

Улыбина Е.В., Филиппова А.Е. Вклад гендерной идентичности и веры в справедливый мир в атрибуцию вины в межгендерном вертикальном конфликте в организации



УЛЫБИНА Е.В., ФИЛИППОВА А.Е. ВКЛАД ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВЕРЫ В СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР В АТРИБУЦИЮ ВИНЫ В МЕЖГЕНДЕРНОМ ВЕРТИКАЛЬНОМ КОНФЛИКТЕ В ОРГАНИЗАЦИИ

English version: [Ulybina E.V., Filippova A.E. The contribution of gender identity and just world belief to the attribution of guilt in inter-gender vertical conflict in an organization](#)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Статья посвящена изучению вклада пола респондентов, пола персонажей, веры в справедливый мир и показателей гендерной идентичности в атрибуцию вины участникам межгендерного вертикального конфликта в организации. В исследовании участвовали 140 студентов разных вузов Москвы (70 девушек). Средний возраст респондентов – 20 лет. Участники знакомились с виньеткой, рассказывающей о несправедливом наказании работника начальником. В одном случае начальником была женщина, а работником – мужчина, в другом – наоборот. Респондентам требовалось оценить вину начальника и работника. Анализ результатов показал, что различия в атрибуции вины персонажам в зависимости от пола респондентов проявляются только по отношению к женщине- начальнику, которой девушки приписывают меньшую, а юноши – большую вину. В отношении мужчины-начальника различия в атрибуции вины начальнику юношами и девушками не достигают уровня значимости. Различия в атрибуции вины подчиненному в зависимости от пола подчинённого и пола респондентов не значимы. Однако гендерный фаворитизм не связан с уровнем идентификации со своей гендерной группой ни в одном случае. Показатели гендерной идентичности обратно связаны с атрибуцией вины представителям своего пола только в ситуации традиционного распределения ролей, мужчины-начальника и женщины-подчинённой. У юношей показатели гендерной идентичности обратно связаны только с атрибуцией вины мужчине-начальнику, а у девушек – обратно связаны с атрибуцией вины женщине-подчиненной. Показатели веры в справедливый мир не имеют значимых связей с атрибуцией вины участникам конфликта ни у юношей, ни у девушек.

Ключевые слова: вера в справедливый мир, защитная атрибуция, гендерная идентичность, межгендерный конфликт, вертикальный конфликт в организации

Атрибуция вины участникам конфликта, в котором сотрудник организации получает несправедливое наказание со стороны начальника противоположного пола, происходит под влиянием множества факторов, включающих в себя как стремление сохранить образ справедливого

мира (Лернер), так и защитить представителя своего пола. Анализ относительного вклада этих факторов в атрибуцию вины участникам конфликта позволяет уточнить как представления о механизмах оценки реальности, так и о характере межгендерного восприятия в производственной ситуации.

Одной из теорий, объясняющих процессы атрибуции вины жертве, выступает теория веры в справедливый мир М.Лернера [Lerner, 1965, 1977]. Лернер предположил, что люди нуждаются в образе справедливого предсказуемого мира, и, обвиняя жертву, пытаются такой образ восстановить. Это убеждение иллюзорно, зато избавляет человека от мучительной неопределённости, так как объясняет, почему кому-то достаётся больше различных благ, чем другим, и позволяет прогнозировать последствия своих поступков, планировать свои действия, делает мир в глазах человека более предсказуемым и безопасным.

Гипотеза оказалась продуктивной, и позже Рубин и Поплау [Rubin, Peplau, 1973, 1975] разработали опросник, измеряющий веру в справедливый мир (ВСМ) как личностное качество. Дальнейшие исследования показали неоднородность ВСМ, и позже были разработаны инструменты для измерения веры в справедливость лично для себя (ЛС) и справедливый мир в целом (ОС) [Dalbert et al., 1987; Lipkus, 1991]. Хотя ЛС и ОС связаны, они не идентичны и выполняют несколько разные функции. С негативным отношением к жертвам неблагоприятных обстоятельств связана именно ОС [Begue, Bastounis, 2003; Bègue et al., 2008; Sutton, Douglas, 2005].

Другим способом объяснения реальности, предполагающим противоположные результаты при встрече со страданиями жертвы, выступает теория защитной атрибуции [Shaver, 1970], согласно которой люди стремятся объяснить происходящее так, чтобы защитить себя, и, в частности, увеличивают или уменьшают вину в зависимости от субъективной оценки сходства с жертвой и предполагаемой вероятностью оказаться на месте жертвы [Grubb, Harrower, 2008]. Приписывая жертве недостаточную осмотрительность, большую вину и ответственность, наблюдатели стремятся таким образом сохранить личный контроль над собственной жизнью, так как указание на ошибки пострадавшего как бы снижает вероятность их повторения [Maes, 1994]. Вклад сходства с жертвой в атрибуцию вины жертве может быть выше стремления сохранить образ справедливого мира [van der Bruggen, Grubb, 2014]. Так, например, большой вклад в приписывание вины детям, жертвам агрессии взрослых, вносит личное сходство с жертвой, личный опыт насилия и пр., при этом индивидуальные показатели ВСМ имеют наименьшую прогностическую силу [Muller et al., 1994].

Одним из проявлений защитной атрибуции выступает ингрупповой фаворитизм – большая благосклонность и снисходительность к членам своей группы, что предполагает и приписывание меньшей вины членам той группы, с которой человек ощущает сходство. Аутгрупповой фаворитизм – приписывание худших качеств другой группе, обвинение представителей другой группы, представляет собой отдельный феномен, отдельную тенденцию и не всегда сопровождается ингрупповым фаворитизмом [Гулевич, 2011].

В соответствии с теорией защитной атрибуции в случае межгендерного конфликта наблюдатели, оценивая конфликт между мужчиной и женщиной, должны объяснять его в интересах представителей своей группы, приписывая большую вину представителям другой группы, а меньшую – представителям своей.

Большинство исследований, рассматривающих атрибуцию вины в ситуации межгендерной агрессии, посвящено ситуациям, в которых мужчина и женщина находятся, по разным причинам, в несимметричных позициях, например, за счет большей физической силы мужчины. Так, мужчины-респонденты приписывают женщине–жертве изнасилования большую вину, чем женщины [Ferrão, Gonçalves, 2015; Grubb, Harrower, 2008; van der Bruggen, Grubb, 2014], что подтверждает гипотезу защитной атрибуции.

С другой стороны, при сравнении вины агрессоров (мужчин и женщин) в ситуации насилия по отношению к интимному партнеру, мужчинам-агрессорам приписывается большая вина, чем женщинам-агрессорам [Cormier, Woodworth, 2008; Hamby, Jackson, 2010; Harris, Cook, 1994; Locke, Richman, 1999; Poorman et al., 2003; Seelau, Seelau, 2005; Sorenson, Taylor, 2005; Sylaska, Walters, 2014], что объясняется большей физической силой мужчин по сравнению с женщинами [Hamby, Jackson, 2010]. Вероятно, в этом случае мужчины, оценивая вину агрессора, идентифицируют себя не по признаку пола, а по признаку отношения к закону.

Данные о вкладе пола наблюдателей в приписывание вины жертвам и виновникам несчастных случаев неоднозначны [Kouabenan et al., 2001]. Так, в некоторых работах [Baldwin, Kleinke, 1994; Kanekar, Sovani, 1991; Shaw, Skolnick, 1971; Sundvik, Lindeman, 1993], в которых жертвой аварии был мужчина, показано, что женщины приписывали персонажу мужчине – жертве аварии большую вину и большую ответственность, чем мужчины, однако в других работах такой эффект не выявлен [Shaw, McMartin, 1977; Taylor, Kleinke, 1992; Whitehead, Smith, 1976]. А в работе Д.Коубенана и коллег [Kouabenan et al., 2001], посвящённой взаимодействию пола и должности наблюдателя при атрибуции вины работнику-мужчине в несчастном случае на производстве, показано ограниченное влияние гендерного фактора на атрибуцию вины.

Анализ литературы по проблеме позволил выделить следующие области для исследования.

1) При достаточно высокой изученности связь атрибуции вины представителю противоположной гендерной группы с показателями гендерной идентичности рассмотрена недостаточно. Согласно теории самокатегоризации идентичность понимается как результат соотнесения себя с системой социальных категорий, «представление самого себя как идентичного, аналогичного, эквивалентного некоему определенному классу стимулов, отличному от другого класса стимулов» [Тернер, 2003, с. 216–217]. В случае гендерной идентичности таким классом стимулов выступает группа мужчин и женщин, через сходство с типичным представителем которой субъект может выстраивать представление о себе как о мужчине или женщине.

2) Рассмотренные случаи включали в себя ситуации, в которых либо изначально мужчина выступал агрессором, а женщина оказывалась жертвой, либо случаи с мужчиной–жертвой несчастного случая, либо, в случае сравнения вины агрессора-мужчины и агрессора-женщины, силы были неравны. Однако относительная значимость связи ВСМ и ингруппового фаворитизма по отношению к своей гендерной группе в ситуации, в которой мужчины и женщины находятся в симметричных позициях, остаётся недостаточно изученной. Особый интерес представляет ситуация вертикального межгендерного конфликта в организации, позволяющая сравнить атрибуцию вины персонажам (мужчине и женщине) разного статуса. Это позволит рассмотреть проявление отмеченных факторов в ситуации распределения ролей, как соответствующей традиционным гендерным стереотипам, то есть мужчины-начальника и женщины-подчинённой, так и в ситуации инверсии ролей – женщины-начальника и мужчины-подчинённого.

В соответствии с теорией защитной атрибуции и мужчины, и женщины будут приписывать большую вину начальнику и подчинённому противоположной гендерной группы. В соответствии с теорией поддержания систем и мужчины, и женщины будут приписывать большую вину начальнику-женщине, нежели мужчине-начальнику. В соответствии с ВСМ вина подчинённого прямо связана с ВСМ больше, чем с гендерной идентичностью, а вина начальника обратно связана с ВСМ, и связь выше, чем с показателями гендерной идентичности. В соответствии с защитной атрибуцией вина начальника связана с гендерной идентичностью.

Методы

Гипотезы

1. И мужчины, и женщины приписывают большую вину персонажу противоположной гендерной группы, чем персонажу своей гендерной группы, независимо от позиции в конфликте.
2. Атрибуция вины представителю противоположной гендерной группы прямо связана с идентичностью со своей гендерной группой.
3. Атрибуция вины представителю своей гендерной группы обратно связана с идентичностью со своей гендерной группой.
4. Атрибуция вины подчинённому прямо связана с выраженностью ОС и у мужчин, и у женщин.
5. И у мужчин, и у женщин показатели гендерной идентичности вносят больший вклад в приписывание вины подчинённому, чем показатели ВСМ.

Выборка

Выборка представлена 140 студентами театрального художественно-технического колледжа, студентами РАНХиГС, студентами и выпускниками МГТУ им. Н.Э.Баумана и МФ МГТУ им. Н.Э.Баумана, из которых 70 – юноши и 70 – девушки. Средний возраст – 20 лет ($M = 20,7$; $SD = 2,2$). Минимальный возраст – 18 лет, максимальный – 27 лет.

Методики

Для измерения выраженности веры в справедливость использовалась «Шкала веры в справедливый мир» [Нартова-Бочавер и др., 2013], позволяющая измерить выраженность веры в личную справедливость (ЛС) и общую справедливость (ОС), и Belief in a just world scale [Dalbert, 1999]. Опросник состоит из 13 утверждений, 7 из которых составляют шкалу ЛС (примеры утверждений: «Как правило, жизнь ко мне справедлива», «Я верю, что обычно получаю то, что заслуживаю»); а 6 – шкалу ОС (например, «Я считаю, что, по большому счету, люди получают то, что заслуживают», «Я уверен, что справедливость всегда побеждает несправедливость»). Согласие с утверждениями оценивается по 7-балльной шкале Лайкерта.

Для измерения гендерной идентичности и выраженности фемининности и маскулинности использовалась методика «Маскулинность, фемининность и гендерный тип личности» [Лопухова, 2013] – переведённый, сокращённый и ревалидизированный аналог Bem sex role inventory [Bem, 1974], включающий в себя набор из 27 личностных прилагательных. Респондентов просили оценить выраженность каждого из качеств у типичной женщины, типичного мужчины и у себя лично, а также желательность каждого качества для себя по шкале от 1 – «совершенно не выражено» до 7 – «выражено в максимальной степени» в первом случае; и от 1 – «совершенно не желательно» до 7 – «крайне желательно» – во втором.

На основе ответов респондентов по этой методике рассчитывались следующие показатели: идентичность с образом типичной женщины и типичного мужчины как корреляции оценок образа Я с образом типичной женщины и типичного мужчины; самооценка – как корреляция образа Я с оценкой желательности качеств; привлекательность образов типичной женщины и типичного мужчины – как корреляции образов типичной женщины и типичного мужчины с оценкой желательности качеств; фемининность и маскулинность – как суммы фемининных и маскулинных личностных характеристик.

Испытуемым предлагалась виньетка: «А. работала менеджером проекта в строительной компании под руководством начальника департамента К. Из-за ошибки в выданном плане работы А. выполнила одну из задач не в полном объёме, вследствие чего возникли проблемы с заказчиком. К., проверив работу в день сдачи, указал А. на её ошибку, на что та возразила, что сделала всё согласно

полученным инструкциям. К. заявил, что вина за нерешённую задачу лежит на А., потому что А. должна была сама увидеть ошибку и либо задать ему вопрос, либо исправить эту неточность, и лишил А. премии».

Виньетка была представлена в двух вариациях, в одной начальником была женщина, а подчинённым мужчина, в другой – наоборот. Опрашиваемым предлагалось оценить по шкале от 1 («полностью не согласен») до 7 («полностью согласен») своё согласие с двумя утверждениями. 1) В возникшей ситуации виновата А., она действительно должна была заметить ошибку, и К. поступил правильно, лишив её премии. 2) В возникшей ситуации виноват начальник департамента К., который неправильно составил план, и он не должен был наказывать А. Вопросы, в зависимости от пола начальника и подчинённого, были также представлены в двух формах. Анкеты предъявлялись в двух вариантах: один начинался с виньетки, другой – с опросников.

Результаты

Анализ показал, что распределение приписываемой вины во всех случаях значительно отличается от нормального, что определило использование непараметрических методов для анализа данных.

Таблица 1

Показатели респондентов (юношей и девушек) по использованным шкалам

	Девушки		Юноши		Среднее	Стандартное отклонение
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
Возраст	19,771	1,754	21,729	2,258	1150,0	0,000
ЛС	29,857	5,014	31,829	5,090	2031,5	0,082
ОС	20,757	6,210	19,357	5,751	2149,5	0,211
Фемининность	43,771	6,655	37,986	5,879	1302,0	0,000
Маскулинность	38,100	8,106	41,371	7,361	1832,5	0,010
Сходство с типичной женщиной	0,312	0,302	-0,087	0,281	866,0	0,000
Сходство с типичным мужчиной	-0,037	0,315	0,351	0,302	934,0	0,000
Самооценка	0,440	0,343	0,586	0,274	1874,0	0,016
Привлекательность качеств типичной женщины	0,227	0,325	-0,169	0,269	853,0	0,000
Привлекательность качеств типичного мужчины	0,135	0,266	0,415	0,312	1208,0	0,000
Вина начальника	5,114	1,368	5,171	1,579	2322,5	0,597
Вина подчиненного	3,500	1,492	3,271	1,760	2200,0	0,298
Вина женщины	3,986	1,628	4,471	1,855	2049,5	0,096
Вина мужчины	4,629	1,599	3,971	1,963	1984,0	0,052

Уровень сходства с типичной женщиной у девушек и типичного мужчины у юношей соответствует нормальному распределению, среднее значение в обоих случаях ниже среднего. Для девушек привлекательность качеств типичной женщины ниже, чем привлекательность качеств типичного мужчины для юношей.

Юноши значительно старше девушек, у них несколько выше самооценка, показатели ЛС и ОС не имеют значимых различий. Юноши приписывают мужчинам, независимо от позиции в конфликте, меньшую вину, чем женщины, но различия не достигают уровня значимости.

Таблица 2

Сравнение вины начальника и подчиненного в зависимости от пола начальника в подвыборках юношей и девушек

	Начальник- женщина		Начальник- мужчина		U-критерий	р-значимость
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
<i>Девушки</i>						
Возраст	20,057	2,043	19,486	1,380	531,000	0,341
Вина начальника	4,743	1,521	5,486	1,095	444,000	0,048
Вина подчиненного	3,771	1,573	3,229	1,374	488,500	0,147
<i>Юноши</i>						
Возраст	21,771	2,402	21,686	2,139	605,0	0,934
Вина начальника	5,543	1,421	4,800	1,659	453,0	0,062
Вина подчиненного	3,143	1,912	3,400	1,612	540,0	0,398

Согласно данным, представленным в Таблице 2, девушки приписывают большую вину начальнику-мужчине, чем начальнику-женщине, у юношей различия в уровне приписанной вины начальнику (мужчине и женщине) не достигают уровня значимости. Различия в приписывании вины подчиненному в зависимости от пола не значимы в обоих случаях.

Таблица 3

Различия в приписывании вины начальнику и подчиненному девушками и юношами в зависимости от пола начальника и подчиненного

	Девушки		Юноши		U-критерий	р-значимость
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
Вина начальника - женщины	4,743	1,521	5,543	1,421	418,0	0,023
Вина начальника- мужчины	5,486	1,095	4,800	1,659	476,0	0,110
Вина женщины- подчиненной	3,229	1,374	3,400	1,612	577,0	0,681
Вина мужчины- подчиненного	3,771	1,573	3,143	1,912	459,50	0,073

Данные, представленные в Таблице 3, показывают, что мужчины приписывают большую вину начальнику-женщине, чем женщины, а различия в вине мужчины-подчиненного не достигают уровня значимости. В остальных случаях различия не значимы.

Для анализа вклада факторов пола респондентов и пола участников конфликта в приписывание вины был использован двухфакторный дисперсионный анализ. Критерий Ливена показал равенство дисперсий в рассмотренных случаях.

Для проверки гипотезы о большей атрибуции вины представителю противоположного пола был использован дисперсионный анализ с повторным измерением, в котором в качестве зависимых переменных использовались показатели вины мужчины и вины женщины, а в качестве независимых – пол респондентов и пол начальника. Результаты показали, что без учета позиции персонажей в конфликте взаимодействие факторов пола участников и фактора пола персонажей конфликта значимо ($F = 4,413$, $p = 0,037$, $\eta = 0,031$), хотя и на среднем уровне значимости. При этом ни пол

респондентов отдельно, ни пол участника конфликта не вносит значимого вклада в обвинение персонажей. Анализ вины начальника и вины подчиненного отдельно показал, что в целом по выборке ни пол начальника, ни пол подчиненного не вносят значимого вклада в приписывание вины начальнику. Но взаимодействие факторов значимо ($F = 9,324$, $p = 0,003$, $\eta = 0,064$). Юноши приписывают большую вину женщине-начальнику, девушки – мужчине. А в уровень вины подчиненного ни пол начальника, ни пол подчиненного, ни взаимодействие факторов не вносят значимого вклада.

В целом по выборке женщине приписывается большая вина, чем мужчине, только если она занимает позицию начальника ($F = 54,123$, $p = 0,000$, $\eta = 0,29$); вклад пола респондентов и взаимодействие пола респондентов и пола начальника не значимо. Но вина мужчины определяется и его позиций ($F = 40,450$, $p = 0,000$, $\eta = 0,236$), и полом респондентов ($F = 5,697$, $p = 0,018$, $\eta = 0,041$). Юноши приписывают мужчине меньшую вину, чем девушки.

При традиционном распределении ролей мужчине-начальнику девушки приписывают незначимо большую вину, чем юноши ($F = 3,256$, $p = 0,076$, $\eta = 0,048$), различия в обвинении подчиненного не значимы. А при инверсии ролей, в ситуации женщины-начальника, юноши приписывают женщине значимо большую вину, чем девушки ($F = 5,531$, $p = 0,022$, $\eta = 0,077$), различия в обвинении мужчины не значимы.

В подвыборке юношей однофакторный дисперсионный анализ с повторным измерением вклада роли персонажей в конфликте в атрибуцию вины мужчине и женщине показал, что вклад пола персонажей не значим, а вклад взаимодействия пола персонажей с позицией в конфликте значим ($F = 32,360$, $p = 0,000$, $\eta = 0,329$). Однофакторный дисперсионный анализ атрибуции вины начальнику в зависимости от пола начальника показал, что юноши приписывают мужчине-начальнику меньшую вину, чем женщине-начальнику ($F = 4,566$, $p = 0,036$, $\eta = 0,065$), различия вины подчиненного в зависимости от пола не значимы.

В подвыборке девушек различие в атрибуции вины персонажам не достигают уровня значимости ($F = 3,477$, $p = 0,066$, $\eta = 0,066$), мужчинам приписывается незначимо большая вина, чем женщинам, но взаимодействие пола персонажа с характером распределения ролей ($F = 28,955$, $p = 0,000$, $\eta = 0,308$) значимо – начальнику всегда приписывается большая вина, чем подчиненному. Результаты однофакторного дисперсионного анализа показали, что девушки считают начальника-мужчину более виновным, чем женщину-начальника ($F = 4,102$, $p = 0,047$, $\eta = 0,059$), но атрибуция вины подчиненным (мужчине и женщине) не различается.

Для анализа вклада ОС в атрибуцию вины были выделены три уровня ОС, соответствующие нижнему, среднему и высшему квартилю разброса. Результаты дисперсионного анализа вкладов ОС в атрибуцию вины начальника, подчиненного, мужчины, женщины показали отсутствие значимого вклада ОС и взаимодействия ОС с факторами пола респондентов и пола персонажей.

Для анализа связей уровня обвинения участников конфликта с личностными характеристиками участников был использован метод корреляции Спирмена.

В выборке девушек связи показателей ВСМ и гендерной идентичности с атрибуцией вины участников конфликта не значимы, вина начальника-женщины обратно связана только с виной подчиненного ($r = -0,500$, $t = -3,265$, $p = 0,003$), вина начальника-мужчины обратно связана с виной подчиненного ($r = -0,573$, $t = -3,897$, $p = 0,000$), а вина женщины-подчиненной обратно связана с уровнем сходства с типичной женщиной ($r = -0,362$, $t = -2,162$, $p = 0,038$). Чем выше субъективное сходство респонденток с образом типичной женщины, тем меньшую вину они приписывают женщине-подчиненной.

У юношей обвинение начальника-женщины имеет только одну обратную значимую связь с обвинением мужчины-подчиненного ($r = -0,555$, $t = -3,777$, $p = 0,001$), связи с показателями

гендерной идентичности и ВСМ не значимы. А вина начальника-мужчины у них обратно связана с виной женщины-подчинённой ($r = -0,644$, $t = -4,759$, $p = 0,000$), с желательностью маскулинных качеств ($r = -0,475$, $t = -3,056$, $p = 0,004$), сходством с образом типичного мужчины ($r = -0,444$, $t = -2,800$, $p = 0,009$) и самооценкой ($r = -0,379$, $t = -2,315$, $p = 0,027$).

Уровень вины женщины-начальника и мужчины-подчиненного ни у мужчин, ни у женщин не имеет значимых связей с показателями гендерной идентичности.

Обсуждение результатов

Гипотеза о том, что большая вина будет приписана представителю противоположного пола независимо от занимаемой позиции, подтвердилась. Дисперсионный анализ показал, что вина персонажей не зависит от пола персонажей и респондентов отдельно, но взаимодействие пола персонажа и пола участника значимо: мужчины приписывают женщинам в целом большую вину, чем мужчинам, а женщины – мужчинам большую, чем женщинам.

При этом различия в атрибуции вины и у юношей, и у девушек проявляются только по отношению к фигуре начальника, начальнику противоположного пола приписывается большая вина, чем начальнику своего пола, а атрибуция вины подчиненному не зависит от пола подчиненного. Но если в ситуации традиционного распределения ролей мужчине-начальнику девушки приписывают незначимо большую вину, чем юноши, то в ситуации инверсии ролей женщине-начальнику юноши приписывают значимо большую вину, чем девушки. Фигура женщины-начальника вызывает большее расхождение в оценках у респондентов, чем фигура мужчины-начальника.

Гипотеза о прямой связи атрибуции вины представителю противоположного пола с показателями гендерной идентичности не подтвердилась. Уровень сходства со своей гендерной группой не имеет связи с большим приписыванием вины представителю противоположной гендерной группы ни в одном случае.

Гипотеза об обратной связи атрибуции вины представителю своего пола с показателями гендерной идентичности подтвердилась частично, только в ситуации традиционного распределения ролей. В этой ситуации уровень сходства с представителем своего гендера обратно связан с приписыванием вины представителю своего гендера, в соответствии с ингрупповым фаворитизмом. Видимо, девушки с большей вероятностью могут представить себя на месте подчинённого, а юноши – на месте начальника.

Можно предположить, что, оценивая вину персонажей в инвертированной позиции начальника-женщины и мужчины-подчиненного, девушки ориентируются на гендерные стереотипы, согласно которым мужчина обладает большими возможностями, большей силой и компетентностью, следовательно, он должен был увидеть ошибку начальника и исправить ее, и потому начальник-женщина, наказывая подчиненного, виновата в меньшей степени. А женщине, согласно тем же стереотипам, приписывают большую слабость и проявляют к ней большую снисходительность. Другим основанием приписывания женщине меньшей вины может быть стремление поддержать женщину-начальника в ситуации инверсии ролей, защитить ее от возможного недоброжелательного отношения. Но эти предположения нуждаются в проверке.

Идентификация с собственной гендерной группой связана только с атрибуцией вины персонажам при традиционном распределении ролей, в ситуации мужчины-начальника и женщины-подчиненной. У юношей показатели гендерной идентичности обратно связаны с атрибуцией вины начальнику, а у девушек – с атрибуцией вины подчиненной.

В этой ситуации юноши приписывают мужчине-начальнику тем меньшую вину, чем больше они ощущают сходства с собственной гендерной группой и чем выше их самооценка. Оценка вины

женщины-подчиненной не связана с показателями гендерной идентичности. А девушки приписывают тем меньшую вину женщине-подчиненной, чем больше идентифицируют себя с образом типичной женщины. Атрибуция вины мужчине-начальнику не имеет значимых связей с показателями гендерной идентичности.

В ситуации инверсии ролей показатели идентичности со своей гендерной группой не связаны с атрибуцией вины ни начальнику, ни подчиненному и у юношей, и у девушек. Можно предположить, что образ типичной женщины у девушек не связан с образом женщины-начальника, а у юношей образ типичного мужчины – с позицией подчиненного.

Результаты позволяют говорить, что атрибуция вины участникам вертикального межгендерного конфликта в организации осуществляется вне зависимости от уровня идентификации с типичным представителем своей гендерной группы. При оценке вины мужчины-начальника женщины не проявляют стремления приписать ему большую вину, что и не приводит к различиям.

Образ мужчины-начальника воспринимается девушками как соответствующий гендерным стереотипам и в той мере, в которой девушки отождествляют себя с типичными женщинами, мужчина начальник не вызывает у них стремления приписать ему большую вину.

В ситуации женщины-начальника и мужчины-подчиненного атрибуция вины персонажам не связана с показателями гендерной идентичности у респондентов, но именно в этом случае наблюдается наибольшее расхождение в оценке вины женщины-начальника у девушек и, в несколько большей степени, у юношей. Образ женщины-начальника противоречит традиционному распределению ролей и, вероятно, в силу этого юноши склонны видеть в поведении женщины-начальника большее количество ошибок и приписывать ей большую вину, чем мужчине-начальнику.

Девушки приписывают меньшую вину женщине-подчиненной в той степени, в которой идентифицируются с типичной женщиной, но юноши не стремятся приписать подчиненной большую вину. Одновременно юноши в той степени, в которой нравятся себе и ощущают свое сходство с типичными мужчинами, стремятся снизить вину начальника-мужчины, но девушки не стремятся приписать мужчинам большую вину. В результате различия между виной, приписанной персонажам юношами и девушками, не достигают уровня значимости.

При этом уровень идентификации девушек с типичной женщиной не предполагает снижение вины женщины-начальника, а идентификация с типичным мужчиной у юношей не связана с меньшим приписыванием вины мужчине-подчиненному.

Анализ показал, что уровень ОС не вносит значимого вклада в атрибуцию вины персонажам ни по выборке в целом, ни у юношей, ни у девушек в отдельности, и взаимодействие уровня ОС с полом респондентов и полом персонажей в приписывании вины персонажам не значимо. Показатели ОС не имеют значимых корреляционных связей с атрибуцией вины и начальнику, и подчиненному как по выборке в целом, так и в отдельных подвыборках.

Отсутствие теоретически прогнозируемой связи показателей ВСМ с атрибуцией вины несправедливо наказанного работника может быть объяснено с разных позиций. Возможно, отсутствие связи – это эффект относительно небольшой выборки. Каждую ситуацию оценивали не больше 35 человек, и, возможно, при проверке гипотезы на большей выборке связь атрибуции вины жертве будет значимой. Возможно также, что ситуация конфликта в организации не была близка респондентам, большую часть которых составляют студенты, не идентифицирующие себя с работниками организаций, и потому ситуация несправедливости в далекой от них сфере не противоречила для них образу справедливого в целом мира.

Еще одно предположение относительно отсутствия связи опирается на особенность восприятия ситуации конфликта респондентами. Согласно теории веры в справедливый мир, обвиняя жертву,

люди исходят из предположения о том, что именно действия жертвы стали причиной или одной из причин случившегося. Это возможно в том случае, если жертва могла, хотя бы потенциально, предотвратить ситуацию. Возможно, респонденты не видели, что в описанной в виньетке ситуации подчиненный мог повлиять на случившееся, и в этом случае наказание рассматривалось как действие неконтролируемой силы. Необходима проверка опосредованности связи показателей ВСМ с атрибуцией вины подчиненному воспринимаемой респондентами возможности подчиненного влиять на происходящее.

Полученные результаты нуждаются в проверке на устойчивость на больших по объему и возрастному диапазону выборках.

Исследование носило пилотажный характер, показало продуктивность изучения связи гендерной идентичности с атрибуцией вины мужчинам и женщинам и позволило наметить пути дальнейших исследований.

Выводы

Гендерный ингрупповой фаворитизм в приписывании вины участникам конфликта проявляется только по отношению к образу женщины-начальника, которой юноши приписывают большую вину, а девушки – меньшую.

Показатели гендерной идентичности у мужчин и женщин обратно связаны с приписыванием вины представителям своего пола только в ситуации традиционного распределения ролей, мужчины-начальника и женщины-подчиненной.

Вера в общую справедливость мира не имеет значимых связей с атрибуцией вины участникам конфликта ни у юношей, ни у девушек.

Ограничения исследования связаны с относительно небольшим объемом выборки, состоящей преимущественно из студентов, что не позволило учитывать собственный опыт работы участников в позициях начальника и подчиненного.

Литература

Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М.: Институт психологии РАН, 2011.

Лопухова О.Г. Опросник «Маскулинность, фемининность и гендерный тип личности» (российский аналог Bem Sex Role Inventory). Вопросы психологии, 2013, No 1, 1–8.

Нартова-Бочавер С.К., Подлипняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых. Клиническая и специальная психология, 2013, No. 3, 1–14.

Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования Психологический журнал, 2014, 35(1), 16–32.

Тернер Дж. [Turner J.] Социальное влияние. М.: Питер, 2003.

Baldwin M.R., Kleike C.L. Effects of Severity of Accident, Intent, and “Alcoholism is a Disease” Excuse on Judgments of a Drunk Driver 1. Journal of Applied Social Psychology, 1994, 24(23), 2097–2109.

Begue L., Bastounis M. Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of

belief in a just world. *Journal of Personality*, 2003, 71(3), 435–463.

Bègue L., Charmoillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief. *The American journal of psychology*, 2008, 121(1), 47–56.

Cormier N.S., Woodworth M.T. Do you see what I see? The influence of gender stereotypes on student and Royal Canadian Mounted Police (RCMP) perceptions of violent same-sex and opposite-sex relationships. *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*, 2008, 17(4), 478–505.

Dalbert C., Montada L., Schmitt M. Glaube an eine gerechte Welt als Motiv: Validierungskorrelate zweier Skalen. *Psychologische Beiträge*, 1987, 29(4), 596–615.

Grubb A., Harrower J. Attribution of blame in cases of rape: An analysis of participant gender, type of rape and perceived similarity to the victim. *Aggression and Violent Behavior*, 2008, 13(5), 396–405.

Ferrão M.C., Gonçalves G. Rape crimes reviewed: The role of observer variables in female victim blaming. *Psychological Thought*, 2015, 8(1), 47–67.

Hamby S., Jackson A. Size does matter: The effects of gender on perceptions of dating violence. *Sex Roles*, 2010, 63(5/6), 324–331.

Harris R.J., Cook C.A. Attributions about spouse abuse: It matters who the batterers and victims are. *Sex Roles*, 1994, 30(7/8), 553–565.

Kanekar S., Pinto N.J.P., Mazumdar D. Causal and moral responsibility of victims of rape and robbery. *Journal of Applied Social Psychology*, 1985, 15(4), 622–637.

Kanekar S., Sovani A.V. Attributed fault for and perceived likelihood of an accident as a function of victim's sobriety and behavioral propriety. *Psychologia: An International Journal of Psychology in the Orient*, 1991, 34(1), 69–74.

Kouabenan D.R. Hierarchical position, gender, accident severity, and causal attribution. *Journal of Applied Social Psychology*, 2001, 31(3), 553–575.

Kristiansen C.M., Giulietti R. Perceptions of wife abuse: Effects of gender, attitudes toward women, and just-world beliefs among college students. *Psychology of Women Quarterly*, 1990, 14(2), 177–189.

Lambert A.J., Raichle K. The role of political ideology in mediating judgments of blame in rape victims and their assailants: A test of the just world, personal responsibility, and legitimization hypotheses. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000, 26(7), 853–863.

Lerner M.J. Evaluation of performance as a function of performer's reward and attractiveness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1965, 1(4), 355–360.

Lerner M.J. The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms 1. *Journal of personality*, 1977, 45(1), 1–52.

Lipkusa I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996, 22(7), 666–677.

Locke L.M., Richman C.L. Attitudes toward domestic violence: Race and gender issues. *Sex Roles*, 1999, 40(3/4), 227–247.

Maes J. Blaming the victim: Belief in control or belief in justice? *Social Justice Research*, 1994, 7(1), 69–90.

Muller R.T., Caldwell R.A., Hunter J.E. Factors predicting the blaming of victims of physical child abuse or rape. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*, 1994, 26(2), 259–279.

Poorman P.B., Seelau E.P., Seelau S.M. Perceptions of domestic abuse in same-sex relationships and implications for criminal justice and mental health responses. *Violence and Victims*, 2003, 18(6), 659–669.

Rubin Z., Peplau L.A. Who believes in a just world? *Journal of social issues*, 1975, 31(3), 65–89.

Shaver K.G. Defensive attribution: Effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1970(2), 101–113.

Seelau S.M., Seelau E.P. Gender-role stereotypes and perceptions of heterosexual, gay and lesbian domestic violence. *Journal of family violence*, 2005, 20(6), 363–371.

Sorenson S.B., Taylor C.A. Female aggression toward male intimate partners: An examination of social norms in a community-based sample. *Psychology of Women Quarterly*, 2005, 29(1), 78–96.

Shaw J.I., Skolnick P. Attribution of responsibility for a happy accident. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1971, 18(3), 380–383.

Shaw J.I., McMartin J.A. Perpetrator or victim? Effects of who suffers in an automobile accident on judgemental strictness. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 1975, 3(1), 5–12.

Sundvik L., Lindeman M. Sex role identity and discrimination against same sex employees. *Journal of occupational and organizational psychology*, 1993, 66(1), 1–11.

Sylaska K.M., Walters A.S. Testing the extent of the gender trap: college students' perceptions of and reactions to intimate partner violence. *Sex roles*, 2014, 70(3/4), 134–145.

Taylor C., Kleinke C.L. Effects of Severity of Accident, History of Drunk Driving, Intent, and Remorse on Judgments of a Drunk Driver 1. *Journal of Applied Social Psychology*, 1992, 22(21), 1641–1655.

van der Bruggen M., Grubb A. A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of observer and victim characteristics on attribution of blame in rape cases. *Aggression and violent behavior*, 2014, 19(5), 523–531.

Поступила в редакцию 23 августа 2018 г. Дата публикации: 25 октября 2018 г.

[Сведения об авторах](#)

Улыбина Елена Викторовна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра общей психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, проспект Вернадского, д. 82, 119571 Москва, Россия.

E-mail: evulbn@gmail.com

Филиппова Александра Евгеньевна. Студентка, факультет психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, проспект Вернадского, д. 82, 119571 Москва, Россия.

E-mail: afilippova@protonmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Улыбина Е.В., Филиппова А.Е. Вклад гендерной идентичности и веры в справедливый мир в атрибуцию вины в межгендерном вертикальном конфликте в организации. Психологические исследования, 2018, 11(61), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Улыбина Е.В., Филиппова А.Е. Вклад гендерной идентичности и веры в справедливый мир в атрибуцию вины в межгендерном вертикальном конфликте в организации // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 61. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1621-ulybina61.html>

[К началу страницы >>](#)